

Кавказско-Армянскаго происхожденія¹⁾. Но едва ли безусловно правъ авторъ, столь категорически высказываясь за западно-европейское происхожденіе башенъ св. Софіи, игнорируя памятники Малой Азіи (Стржиговскій) и Сиріи (де Вогюэ) и не затрагивая даже вопроса — одновременны ли храмъ и башни (обѣ?) западнаго фасада. Вообще же слѣдуетъ отмѣтить, что этотъ послѣдній экскурсъ приходится почестъ наиболѣе недоказанной и спорной частью труда. Св. Софія Кіевская, какъ архитектурный памятникъ, несомнѣнно — болѣе сложный и заслуживающій большаго вниманія историческій документъ, чѣмъ это кажется г. Окуневу, рѣшающемуся послѣ экскурса, занимающаго около двухъ страницъ²⁾, наполненныхъ по преимуществу общими разсужденіями, считать св. Софію комбинаціей архитектурныхъ формъ Византіи, Востока и Запада, созданной неизвѣстными намъ строителями собора³⁾.

Димитрій Гордѣевъ.

† Академикъ В. И. Ламанскій.

Хотя скончавшійся 19 окт. 1914 г. ак. В. И. Ламанскій принадлежалъ и по призванію и по специальности къ числу славистовъ, но и въ своихъ научныхъ трудахъ и въ своихъ университетскихъ лекціяхъ онъ не уставалъ указывать на глубокую важность византиновѣдѣнія для успѣшнаго развитія русской культуры и на невозможность процвѣтанія славяновѣдѣнія безъ самаго тѣснаго содружества съ этой наукой.

Онъ родился въ 1833 г. въ семьѣ сенатора И. И. Ламанскаго. По окончаніи петроградской первой гимназіи, В. И. поступилъ въ петроградскій университетъ, который кончилъ уже въ 1854 г. Этотъ же годъ является началомъ его научно-литературной дѣятельности, которая, при всей широтѣ размаха, отличалась единствомъ своего ярко-славянофильскаго направленія. Однако послѣднее не было навѣяно какими-либо случайными переживаніями, — оно представляло продуктъ, съ одной стороны, его самостоятельныхъ научныхъ разысканій въ области исторіи славянства, а, съ другой стороны, постояннаго общенія какъ съ друзьями своей молодости И. С. Аксаковымъ, Ю. Э.

1911, стр. 222. Насколько мнѣ извѣстно, указаніе на открытый наружный нарѣикъ Кахріа-Джами было впервые дано именно Э. И. Шмитомъ. Впрочемъ, когда рѣчь заходитъ объ этомъ памятникѣ, всѣ авторы Айналовскаго сборника отъ ссылокъ воздерживаются: они, напримѣръ, всѣ относятъ мозаическую роспись нарѣиковъ къ началу XIV вѣка, всѣ отъ датировки Н. П. Кондакова отказываются, но нигдѣ не указываютъ, что опредѣленіе времени росписи принадлежитъ Э. И. Шмиту.

1) стр. 136—137.

2) стр. 135—137.

3) стр. 137.

Самаринымъ, Ѳ. В. Чижевымъ, такъ и съ нѣкоторыми членами Императорскаго Русскаго Географическаго Общества (въ трудахъ котораго онъ принималъ всегда самое дѣятельное участіе): Н. И. Надеждинымъ, Н. Я. Данилевскимъ, братьями Милютиними и др. Но заимствуя у славянофиловъ основныя положенія ихъ ученія, Ламанскій сумѣлъ остаться самостоятельнымъ и постепенно переработалъ ихъ въ собственную историко-философскую систему „Греко-славянскаго міра“. Уже въ 1860 г., въ рѣчи передъ публичной защитой своей магистерской диссертациі „О славянахъ въ Малой Азіи, въ Африкѣ и въ Испаніи“, онъ совершенно ясно формулировалъ основной тезисъ своего историческаго міросозерцанія въ такихъ словахъ: „Прямо явная связь южнославянской исторіи съ исторіей Венгріи, а ея съ исторіей Чехіи и Польши, этой же послѣдней съ исторіей Россіи, тѣ особыя отношенія, въ которыхъ издавна находились эти страны къ міру греческому, — всѣ эти данныя заставили меня, вслѣдъ за другими, признать въ исторіи новой Европы особую дѣйствующую группу народовъ, отличающуюся, подобно другой европейской группѣ — романогерманской, своимъ особливимъ характеромъ, своимъ замѣчательнымъ прошедшимъ, неколебимою вѣрою въ свое великое будущее, не смотря на всѣ тягости настоящаго...“ Эта идея самобытности грекославянскаго міра и сдѣлалась, такъ сказать, палладиумомъ всей послѣдующей научно-литературной и публицистической дѣятельности Ламанскаго: кромѣ множества отдѣльныхъ статей и замѣтокъ, онъ развивалъ ее и въ своемъ „Вступительномъ чтеніи“ („День“ № 50—52) въ Петроградскомъ университетѣ, профессоромъ котораго онъ сдѣлался въ 1865 г., и въ своемъ „Чтеніи о славянской исторіи въ петроградскомъ университетѣ“ (Ж. Мин. Нар. Пр. 1867 г., янв.), и въ особенности въ своей докторской диссертациі „Объ историческомъ изученіи грекославянскаго міра“ (Спб. 1871). Но если въ послѣдней книгѣ авторъ пытался обосновать свою теорію скорѣе отрицательно, чѣмъ положительно, — т. е. критикой превратныхъ, по его мнѣнію, ученій нѣмецкихъ антропологовъ, этнографовъ и историковъ о славянскомъ племени, — то въ своемъ гораздо болѣе позднемъ трактатѣ „Три міра азійско-европейскаго материка“ (Слав. Обзор. I 1892 г.) онъ сдѣлалъ это болѣе положительно, — посредствомъ нѣкоторыхъ историко-философскихъ комбинацій, опиравшихся на совершенно объективныя данныя сравнительной этнографіи, антропогеографіи и культурной исторіи.

Здѣсь не мѣсто разсуждать о томъ, въ какой степени теорія самобытнаго „грекославянскаго міра“ или „міра средняго“ можетъ удовлетворять требованіямъ современной научной соціологіи и исторіософіи. Для нашей цѣли достаточно констатировать, что Ламанскій, неотдѣлявшій въ своемъ міросозерцаніи славянства отъ Византіи, уже тѣмъ самымъ и въ спеціальныхъ научныхъ разысканіяхъ не могъ не стремиться привлекать въ самой широкой степени матеріалъ византо-

логии. Такъ, въ уже упомянутой книгѣ „О славянахъ въ Малой Азіи, въ Африкѣ и въ Испаніи“ онъ представилъ сводку извѣстій византійскихъ писателей о славянахъ въ указанныхъ странахъ; въ статьѣ „Непорѣшенный вопросъ“ (Ж. Мин. Нар. Пр. 1869 г.) сдѣлана попытка освѣтить главный подвигъ Кирилла и Меѳодія — созданіе славянскаго литературнаго языка съ точки зрѣнія культурныхъ отношеній славянъ къ тогдашней Византіи; въ блестящемъ разсужденіи „Видные дѣятели западно-славянской образованности въ XV—XVII в.“ (Слав. Сб. I, 1875) данъ анализъ причинъ культурнаго раскола грекославянскаго міра и романо-германскаго въ началѣ среднихъ вѣковъ; въ громадномъ томѣ „Secrets d' Etat de Venise“ (Спб. 1884) въ числѣ многихъ другихъ документовъ напечатаны и такіе, которые бросаютъ яркій свѣтъ на нѣкоторые важные моменты въ отношеніяхъ царицы Адриатики къ Византіи. Даже въ своей „лебединой пѣснѣ“ — „Славянское житіе Кирилла какъ религиозно-эпическое произведеніе и историческій источникъ“ (Ж. Мин. Нар. Пр. 1903 и 1904 г.) Ламанскій не упустилъ случая щедро рукой разсыпать не мало остроумныхъ наблюденій и соображеній относительно многихъ фактовъ и событій византійской исторіи IX в.

Такимъ же горячимъ другомъ Византіи и науки о ней Ламанскій заявлялъ себя въ университетскихъ лекціяхъ, а также въ частныхъ бесѣдахъ: отъ успѣховъ „Византоведѣнія“ онъ всегда ожидалъ важныхъ открытій и разъясненій и въ области столь любимой имъ славянской исторіи. При такихъ обстоятельствахъ, неудивительно, что среди цѣлой плеяды его учениковъ встрѣчаются и византинисты, въ томъ числѣ такіе видные, какъ ак. Ѳ. И. Успенскій, проф. А. А. Васильевъ и редакторъ настоящаго журнала проф. В. Э. Регель.

Г. Ильинскій.